

О ВЕЧНО-ВРЕМЕННОМ И НЕЗАВЕРШЕННОМ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ

(отв. ред. специальной темы номера – Е.Г. Трубина)

УДК 364.122.5

DOI: 10.17223/2312461X/16/3

НЕЗАВЕРШЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НЕСОВЕРШЕННОГО

Елена Германовна Трубина

Аннотация. В статье обсуждается вклад, внесенный тремя авторами тематического блока «О вечно-временном и незавершенном: страницы истории советской урбанизации», в понимание сложностей советского городского строительства. Статьи С.С. Духанова, М.С. Ильченко и И.Н. Стася, обсуждающие отечественные версии незавершенности, связаны с более широким историческим и концептуальным материалом, в частности с работами Майка Дэвиса, Дональда Фильцера, Зигмунда Баумана и других с целью обсуждения того, какое значение недостатки советского планирования имеют для мировой истории модерности и модернизации.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, незавершенность, планирование, Сибирь, нефть, Екатеринбург

Три статьи, вошедшие в «городской» тематический блок этого номера журнала, посвящены различным страницам истории советских городов: преподаватель Сургутского государственного университета историк Игорь Стась описал самострой в нефтедобывающих городах Советской Сибири, преподаватель Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств архитектор Сергей Духанов описывает причины, по которым в Западной Сибири 1930-х гг. были распространены так называемые недостроенные города, а научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, историк архитектуры и политолог Михаил Ильченко разбирает нарратив «нереализованной утопии», рассматривающий советскую архитектурную традицию в символических категориях «невоплощенного проекта» и «несостоявшегося будущего». Статьи написаны с применением различных исследовательских методов, в том числе с использованием архивных документов и советских масс-медиа. К официальной истории советско-

го планирования добавляются особые эпизоды промышленного освоения российских регионов, которые различными способами свидетельствуют о слабости централизованного планирования.

История многое оставляет незавершенным в силу того, что планы и намерения одних людей сталкиваются с интересами других. Мне также довелось кратко написать о противопоставлении реализованного и нереализованного в истории модерности, подытоживая исследовательское путешествие с командой Баухауса по восточно-европейским городам (Трубина 2008). Михаил Ильченко в своем тексте настаивает на том, что незавершенность, с одной стороны, была присуща советскому градостроительству, а с другой – составила одно из главных понятий и символов, с помощью которых развитие городов советского периода описывается. Я, глядя на модели, стоявшие в офисах главных архитекторов городов постсоветских (к примеру, Минска начала 2000-х), думала о связи между незавершенностью и нереализованностью и том, как хорошо, что на воплощение планируемой претенциозной безвкусицы денег не хватило. Но денег, безусловно, хватило на воплощение многих других претенциозных проектов, так что проблема того, по какой причине что-то реализуется, а что-то остается в проекте, что-то, начавшись, завершается, а что-то остается мечтой, – из вечных. Три представленных в этом блоке статьи разбирают различные стороны советской модернизации. В этих предваряющих заметках я хотела бы сосредоточиться на том, как понятие «незавершенность» связано с нарративами модерности, модернизации и развития, место которых в риторике современных российских властей заняли «реновация» и «национальное единство». Авторы статей помещают эпизоды советского градостроительства внутрь советской же истории, добавляя к ней важные аргументы, детали и исторические свидетельства, но я убеждена, что отечественные версии незавершенности стоит увязать с более широким историческим и концептуальным материалом.

Модернизация: «воображаемые преимущества» и отсутствие четкой цели

Исторический период модерности включает развитие индивидуализма, капитализма, урбанизации, веры в возможности науки и техники. Противопоставление развитых, «модерных» обществ и тех, которые позднее приступили к модернизации, строилось на идее необратимого перехода от нового к старому, составившей одно из оснований понимания исторического периодизирующего понятия модерности, возникшего в XVIII в. (Koselleck 2002: 155). Разделение обществ-«пионеров» и обществ-«продолжателей» (Bendix 1967: 330–331), обществ модернизованных и обществ модернизирующихся исходило из такого понимания социальных трансформаций, которое в Северной Америке и Европе

сформировалось и эти же страны поставило в центр нового мира. Модернизация определяла жизнь многих стран в XX в., в том числе и СССР. Риторика модернизации активно использовалась советскими, а затем российскими властями в конце XX столетия. Модерность и модернизация – термины, полностью не совпадающие, но и то и другое объединяет вера в прогресс в разных областях жизни. Во многих западных странах индустриализация сопровождалась модернизацией, или социальным и политическим развитием, которое включало урбанизацию, социальную мобильность, изменения в структуре профессий, образование и пр. Модернизация, по остроумной характеристике американского социолога У. Мура, направлена на утверждение страной себя в качестве части общего запаса мирового знания и полезных технологий за счет «масштабного заимствования, но незначительного добавления в этот запас, а также принесения в жертву многих проверенных временем традиций ради реальных или воображаемых преимуществ» (Moore 1965: 6). И еще одну полезную мысль Мур формулирует в другой работе: «Результат модернизации – отнюдь не стабильный социальный порядок в статичном равновесии. Такой стабильности нельзя предсказать нигде, и у общества, которое приступает к программе модернизации, четкой цели нет» (1967: 168). Сегодня во многих местах как-то пытаются справиться с последствиями и навязанных (скажем, странам Глобального Юга) и реализованных на Глобальном Севере вариантов развития. Учитывая это, сделанный социологом в описании сути модернизации акцент на «воображаемых преимуществах» и отсутствии четкой цели этого масштабного процесса побуждает предположить, что «завершенность», т.е. состояние и результат, противоположные тем, что обсуждают авторы темблока, – это фантом. Завершенность предполагает определенность, но все современное развитие осуществляется в условиях нарастающей неопределенности. Сами понятия, ценности и принципы, на которые сориентированы современные общества – от демократии и рынка до общего блага – неопределенны до такой степени, что часто сложно сказать, достигнуто ли решение той или другой задачи. И управленцам, и гражданам приходится принимать решения по вопросам, имеющим множество измерений (красота / польза, долговременные цели / тактические задачи и т.д.), и критерии успеха и завершенности, предполагаемые этими измерениями, не совпадают. Конечно, если мы говорим о монументе, здании, улице или районе, их можно придумать, начать и завершить в соответствии с планом, но город в целом, не говоря уже о подвергаемой развитию, или модернизации, стране – образования слишком сложные, чтобы в них что-либо можно было с уверенностью завершить. Профессор городского планирования Колумбийского университета Роберт Борегард и специалист по городской земле Анне Хайла в статье с выразительным названием

«О неизбежной незавершенности города» (Beauregard, Naila, 1997) сетуют на увлеченность, с какой их коллеги открывают новый, «пост-фордистский» и «пост-модернистский» тип города, воплощающий новые же экономические процессы, так как, с их точки зрения, новые процессы далеко не всегда физически отражаются в городском пространстве. Оно чаще всего представляет сложное сочетание старого и нового, воспроизводящихся тенденций и попыток что-то изменить. Борегад и Хайла, в частности, подчеркивают, что «относительно фиксированная форма города и способствует и препятствует настоящим и будущим инвестициям, способам жизни и культурным смыслам» (328) и что «пространственная форма города никогда в точности не отвечала создающим город процессам и такого соответствия никогда не будет» (339).

Урбанисты подчеркивают сложности, которые создает имеющаяся городская среда для тех, кто спешит отыскать на свете новые города, но опыт советской модернизации включал в себя именно такие, новые, почти с чистого листа построенные города. Они возводились в тех местах, которые выгодно было промышленно осваивать, а потому возникали вокруг заводов, шахт и нефтепромыслов. В своей статье Сергей Духанов пишет, что «это были самые неосвоенные места, где предстояло с нуля создавать не только комбинаты-гиганты, но и всю среду жизнедеятельности человека: сеть сельскохозяйственных поселений для снабжения, транспортную и строительную инфраструктуру и главное – города» (Духанов 2017: 51). Можно спорить, в каком смысле построенное стало городами, но сегодня уже общим местом стало допущение, что есть десятки вариантов «урбаничности», в том числе и совсем необычной и странной (Pile 2006; Walker, Schafran 2015). Когда мы задаемся оправданным вопросом о том, зачем надо было строить новые города одновременно в десятках мест, то главный ответ в том, что советское социалистическое строительство было для новой власти способом закрепления за собой завоеванной территории. Тут, сознавая все отличия между колонизацией классической и «внутренней», полезно напомнить, что все колониальные администрации создавали новые города, чему очень помогло оформление профессии городского планировщика в качестве отдельной и уважаемой (Mosser 2015: 32). Как в колониальном случае реализацию экономических интересов метрополий идеологически сопровождали аргументы о «цивилизаторской» миссии Запада и решении проблем бедности и перенаселенности, так и в советском случае быстрая индустриализация и сопутствующая ей урбанизация преследовали цель социалистического контроля над огромной территорией из метрополии – Москвы.

«Вторичность города» и ее последствия

Дискуссии между специалистами по расселению и соцгороду в журналах «Современная архитектура» и «Строительство Москвы», кратко

рассматриваемые в статье Михаила Ильченко, какие бы интересные визионерские идеи они не содержали, были подчинены экономическим стратегиям рассредоточения электростанций и заводов по Евразии. Тяжелую промышленность планировалось развивать в местах концентрации минерального сырья, находящихся вдалеке от каких-либо транспортных сетей (которые тоже планировалось строить). Статья Сергея Духанова привлекает внимание к значимому моменту дискуссий 1930-х, а именно представлениям центральных планирующих организаций о сравнительной стоимости заводов и городов. Победила причудливая идея меньшей, по сравнению с заводами, стоимости возведения рядом с ними городов, что должно было способствовать равномерному распределению промышленных точек роста по советской территории. Ильченко подчеркивает, что даже гордость советской архитектуры – соцгорода при заводах – были возведены в отсутствие утвержденных планов.

Духанов убедительно демонстрирует в своей статье, что готовность советских планировщиков разместить города где угодно и с пренебрежением градостроительными нуждами объяснялась идеей «дешевого» социалистического города и «вторичности» городского строительства по сравнению со строительством заводским. Найденные им архивные материалы и свидетельства (документы Западносибирской краевой плановой комиссии (Государственный архив Новосибирской области, Ф. Р-12) и Главного управления коммунального хозяйства РСФСР (Государственный архив Российской Федерации)) очень выразительны. Автор показывает ухищрения планировщиков Наркомата тяжелой промышленности в ситуации, когда идеология «расселения» предполагала массовое создание новых заводов, шахт и прочего, а при них – жилой среды (вместо вложений в уже имеющиеся города). Примечателен упоминаемый автором жаргон планировщиков: такие выражения, как «оптимальные геометрические точки» или «центральные транспортные моменты» использовались для обозначения точек на карте, где предстояло вырасти промышленным гигантам. Из Москвы многое не увидишь, и скоро обнаружилось, что эти «точки» были вдалеке и от заводов, где производился кирпич, и от дорог, а также не имели стройтрестов. Там, где стройтресты были созданы, вид они имели жалкий: так, Анжеро-Судженский горстройтрест в 1936 г. имел гужевой транспорт из 30 лошадей, «не способных к перевозке грузов по своей старости» (Духанов 2017: 45). Удручающее качество довоенного провинциального городского строительства было впоследствии замаскировано военными разрушениями. Многие советские города были разрушены во время войны, и процесс их восстановления, хорошо у нас в литературе освещенный, рисует картину единения властей и населения для решения общей задачи – возврата к нормальной мирной жизни. Но сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что до войны управ-

ленцы, сосредоточенные в центральных планировочных органах, создавали стратегию развития промышленности, предполагавшую безжалостную эксплуатацию работников; у людей в создаваемых с нуля городах формировалась выученная беспомощность: приехав на работу и начав жить в бараках и временках, многие в таких жилищах и оставались, не имея возможности заработать себе на приличное жилье и десятилетиями маринуемые в очередях на квартиры «от предприятий».

«Оптимальные геометрические точки» придумывались как способ обеспечения доступа как минеральному сырью, извлечения прибыли от его обработки и продажи, поддержания элитами собственного доминирования за счет советской массы. Люди, десятилетиями сосредоточенные на добывании самого необходимого для жизни, не мыслили себя членами коллективов, а тем более классов. Я хотела бы связать материалы, рассмотренные С. Духановым, с книгой «Опасности городской жизни в России позднего сталинизма: здоровье, гигиена и жизненные стандарты, 1943–1953» английского историка труда и сталинизма Дональда Фильцера (Filtzer, 2010). Книга – о качестве жизни советских горожан в промышленных регионах, которые в войну разрушены не были, включая малые промышленные города. Исходя из того, что ключевые индикаторы качества жизни – это доступ к чистой воде, чистому туалету, индивидуальное жилье и еда в достаточном количестве, ученый показывает, что и в 1940-е, и в 1950-е жизнь в советских городах на пол-века отставала от Англии и Германии. Его внимание к малым промышленным городам важно, потому что население, в таких городах жившее, превышало число обитателей областных центров (например, население Свердловской области было почти в три раза больше, чем население областного центра) (12). Фильцером проанализированы обширная статистика и иные материалы, относящиеся к жизни в уцелевших и находящихся в глубине страны регионах: война, конечно, сказывалась и в них, но то, что городская среда в них сложилась до войны и сохранилась в неизменности, лишает возможности ссылаться на военные разрушения как причину всех тягот и хронических проблем. Книга построена на архивных данных, сосредоточенных по преимуществу в ГАРФе, в частности в архивных материалах Министерства здравоохранения СССР. Фильцер рассматривает города (с запада на восток), расположенные в Московской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Свердловской, Пермской, Челябинской областях и на Кузбассе.

Книга начинается с разоблачения Фильцером неправды, содержащейся в статье советского санитарного врача, который победу над болезнями в СССР объяснял высоким качеством диагностики и заботой о качестве городской инфраструктуры. Историк показывает, что хлорки, активным применением которой советский врач-пропагандист объяснял санитарные успехи, явно было недостаточно в условиях, когда ни один город не

мог похвастаться нормальной инфраструктурой отведения отходов. Стандарты жизни простых людей вдалеке от Москвы были, по Фильцеру, невероятно низки: вода приносилась в жилища с колонки, баню посещали раз в неделю, мыло (как и многое другое) было по карточкам, не хватало еды, болезни были нередки. С точки зрения историка, это свидетельствует о том, что сталинизм был периодом классового подавления, мало общего имевший с социализмом. Переключка между текстами Духанова и Фильцера заключается в том, что оба показывают, что командная экономика была не столько плановой, сколько бесплановой (два других автора тематического блока, Ильиченко и Стась, также «бесплановости» касаются). Недостатки планирования прямо оборачивались вонью от повсеместных экскрементов и примитивных туалетов, измождением, низкой продуктивностью труда. В тех нарративах, что до нас дошли о послевоенной жизни, тяготы горожан объясняются уроном, нанесенным войной. Фильцер же отдельные усилия предпринимает для того, чтобы показать, что дело было не в военной разрухе. Пренебрежение властей созданием инфраструктуры, став родовой чертой сталинизма, продолжилось и в позднейшее время: понятно, что многие обитатели балков и вагончиков, что описывает И. Стась, нужду справляют на улице.

Духанов и Стась описывают тенденции, которые условно можно обозначить как перебрасывание ответственности между различными ведомствами и городскими и региональными администрациями за городское строительство: то, что не сулило выгоды и было чревато дополнительными расходами, а именно создание инфраструктуры, откладывалось в долгий ящик и часто не было реализовано. Духанов, на историческом материале развития городов Западной Сибири, показывает, что ведомства на жилищном строительстве для рабочих экономили. Стась пишет, что ведомства отличались друг от друга тем, какое именно временное жилье они предлагали рабочим. Ведомственная разобщенность советской командной экономики приводила к тому, что до реализации масштабных планов в той их части, которая касалась благополучия рабочих, и интересов общественного блага дело не доходило никогда. Задачи ведомств состояли в привлечении достаточного числа рабочей силы на возводимые предприятия, а качество жизни людей выходило за рамки имеющихся приоритетов. Допуская, что среди управленцев градообразующих городов были люди, искренне заинтересованные в том, чтобы создать приличную городскую среду и переселить максимум работников в отдельные жилища, мы также видим, что благих намерений было недостаточно. В любом российском поселении в итоге остались зоны, районы, углы, кварталы, улицы, застывшие во времени. Недоделанные некогда, в 1930-е или 1960-е, обрекая людей на «так себе» жизнь, они постепенно разрушаются и зарастают бурьяном.

Трущобы сибирские и иные

В центре рассказа Игоря Стася о балках и вагончиках, в которых с начала нефтяного бума в Восточной Сибири жили работники нефтедобывающих поселков, – «всесильные ведомства – геологические, нефтедобывающие и строительные организации». Они представляют государство, приоритеты которого ясны: «сначала рабочая сила, которая осуществляла выполнение директив (в данном случае планы по добыче нефти), и только потом – создание нормальных условий жизни». Учитывая, что добычу нефти в регионе начинало одно государство – советское, а продолжает современное российское, легко понять, что «создание нормальных условий жизни» является лишь личной задачей поселившихся в тех краях людей. С нормальными условиями жизни мы трущобы не ассоциируем, но во многих городах мира трущобы нормальны в том смысле, что составляют единственный вариант жизни для миллионов. Но все же когда мы читаем в статье Стася, что «в пространственном отношении города нефтедобывающих районов Сибири полностью окружались трущобами» (Стась 2017: 88), нас царапает стигма, связанная с термином «трущоба». Мы задаемся вопросом о том, почему в такой близости от источника богатства – нефтяных месторождений – образовались «временные поселки» с плохим жильем, «вагон-городки», на километры растянувшиеся кварталы балков, размещающиеся рядом со складами и гаражами.

Нефть в регионе была открыта полвека назад, а в очередях на улучшение жилищных условий в городах продолжают стоять тысячи людей. Ответ на вопрос о том, почему почти все нефтедобытчики вначале жили (а некоторые продолжают жить) в трущобах, связан с тем, как распределяется рента от продажи нефти, и в литературе, с одной стороны, отмечается, что большая ее часть направляется центральному правительству (Luong, Weinthal, 2010: 6), а с другой – подчеркивается, что не только на одном уровне – центрального правительства – монополизируется вся рента. Россия принадлежит к тем странам, где доля прибыли от продажи нефти, собираемой централизованно, направляется в регионы и распределяется местными правительствами. Политологи-компаративисты, обсуждающие проявления на субнациональном уровне «нефтяного проклятия», приходят к интересным выводам: как именно это распределение происходит, отличается от страны к стране и т.д. Один из них продемонстрировал «что нефть порождает негативные политические эффекты на провинциальном уровне, только если соответствующие институты не делятся (или делятся крайне незначительно) рентой с муниципальными правительствами. Напротив, если рента муниципальным правительствам поступает, возникает политическое соревнование, большие бюджеты вышестоящих правительств уменьшаются, а муниципалитеты могут обеспечивать общественные и частые

услуги...» (Diaz-Rioseco 2016). Если мы с учетом этих соображений осуществим интернет-поиск с ключевыми словами «трущобы / Сургут» или «трущобы / Нижневартовск», мы удивимся, во-первых тому, что это слово нормализовано (его используют и масс-медиа), а во-вторых, тому, что авторы комментариев рассчитывают, что, пусть медленнее, чем хотелось бы, но трущобы исчезнут путем применения государственных программ: «В Сургутском районе специально разработана муниципальная программа так называемого “поддерживающего ремонта” для ветхого жилья. Деньги на ее реализацию выделяются из бюджета муниципалитета. Это, конечно, не панацея, убеждены власти, но оправдывающее себя средство для поддержания ветхих домов в более-менее сносном состоянии... У жителей есть 2 варианта, как добиться светлого коммунального будущего, – либо сложиться и за свой счет сделать ремонт по своему разумению и желанию, либо дожидаться новых квартир. У районных властей сегодня в приоритете не латание старых дыр, а переселение людей в благоустроенное жилье. Этот процесс занимает, конечно, много времени и требует значительных денежных затрат, но других вариантов просто нет» (Кудрявцев 2017). У муниципалитета города, где расположена штаб-квартира ОАО «Сургутнефтегаз», есть средства лишь на «поддерживающий ремонт ветхого» (курсив мой. – Е.Т.) и на реализацию «муниципальной программы по обеспечению безопасных условий проживания граждан в непригодном жилье» (курсив мой. – Е.Т.). Город находится в самом низу «пищевой цепочки, и непонятно, откуда когда-нибудь у него возьмутся средства на возведение благоустроенного жилья в достаточном объеме.

В статье Стася, публикуемой в данном номере журнала, описаны 1960–1980-е гг. Автор осторожно замечает, что «советский временный жилой самострой постепенно уходит в прошлое. В частности, в бывших социалистических моногородах Западной Сибири становится все меньше трущоб – следов нефтегазового освоения в 1960–1980-х гг.» (курсив мой. – Е.Т.) (Стась 2017: 81). Мне кажется, здесь Стась сам попадает под обаяние классического прогрессистского нарратива, согласно которому плохого остается все меньше, а хорошего становится все больше. Оценки Стасем скорости избавления от трущоб совпадают с теми, что можно найти в печати: «Программа переселения из ветхого и фенольного жилья реализуется в Нижневартовске с 2001 года. Власти поставили задачу постепенно освободить город от трущоб. Изначально предполагали, что к 2010 году в черте города не останется ни одного деревянного здания. На их месте возвысятся современные кварталы. Но на деле программа реализуется крайне медленно. В городе все еще остается более 1 500 ветхих строений» (Nakanune 2005). Знакомство с тем, как люди обсуждают эти проблемы в социальных сетях, убеждает, что их оценки более радикальны: «...никаких движений нет», – пишет жительница Ноябрьска. Вот, что

она имеет в виду: «У нас – в Ноябрьске, люди по 30 лет живут в таких домах. У знакомых жилье признано ветхим уже лет 10 – все живут, никаких движений нет, чтоб переселить куда-то – оно наверно и правильно, люди сами умрут, от старости в лучшем случае – тогда и снести можно будет без лишних хлопот. По слухам землю в поселке уже приметили газпромовцы – якобы для собственных коттеджей, опять же по слухам, но все равно движений никаких нет. Может это просто утка пущенная в массы – что бы люди особо не дергались и продолжали еще во что-то верить, не собирали бумажки, не писали письма – дабы не раздражать чиновников? А что, вот придут газпромовцы, дадут всем по квартирке в капиталке, щитовые фенольные дома снесут и построят себе уютные коттеджи в удобном месте. По мне так больше верится, что как обычно, дома начнут случайно гореть. Ну ветхие же, 30 лет не горели, пора бы уж» (Орфография и пунктуация сохранены) (Fogum-garant 2012). Разница между надеждой ученого на то, что постепенно трущобы исчезнут, и диагнозом неvezучей жительницы («движения нет») свидетельствует о том, что сегодня мы колеблемся между *эмоционально-оценочным* отношением к трущобам и *эмпирическим*, к которому в 1950-е призывал Герберт Ганс, предлагая для трущоб альтернативный термин «дешевые жилища» (Gans 1959: 15–25): без них не обойтись.

О массовом распространении трущоб и о невозможности без них представить будущее написал свою «Планету трущоб» Майк Дэвис, утверждающий в ней, что это в Российской Федерации и в бывших советских республиках трущобы растут быстрее всего (книга вышла за десять лет до объявленной теперь московским правительством программы реновации) (Davis 2006: 24–25). Со страстью социального критика Дэвис пишет на этих страницах о «гошнотворной скорости», с какой «городской распад» распространяется на постсоветском пространстве вместе с экономическим неравенством и недофинансированием. Сибирь в его книге заслуживает отдельного упоминания, и очень интересного. Трущобы в его анализе тесно связаны с «глобальной свалкой людей», которые обречены жить в «наспех сколоченных хибарах рядом с укрепленными богатыми анклавами» и которые не способны влиять на то, в каких условиях живут и работают. Почему же так происходит? Бросая на историю трущоб взгляд с птичьего полета, Дэвис увязывает ее с городским распадом XIX в., когда разоренное сельское хозяйство Европы породило десятки тысяч мигрантов в города. Не все довольствовались крохами, оставшимися от тех, кто пришел в города раньше, и история Дублина, Неаполя и других городов полна эпизодами стачек, восстаний и «локаутов». Жители городов, в том числе обитатели трущоб, стремительно радикализировались. Кто знает, что могло бы получиться, если бы не нарастание миграции: люди рассчитывали не на победу дела рабочего класса в Европе, а на самих себя. Дэвис считает, что «массовая иммиграция в поселенческие общества Америки и

Океании, а также Сибири, послужила динамическим отводным клапаном, предотвратившим появление мега-Дублинов и супер-Неаполей, а также распространение низового анархизма, пустившего корни в наиболее сильно обедневших частях Южной Европы» (Davis 2006: 183). В Сибирь, получается, ехали те, кто в социальные и политические движения не верили. Рассредоточившись на ее просторах, мигранты занялись своими делами, не думая о политике.

Нефтяной бум 1960-х, как мы знаем, породил новую волну миграции, причин которой касается советский социолог В. Переведенцев в интервью журналисту «Юности»: «Абсолютно уверен, что, как и прежде, для большинства молодых привлекательно участие в трудном и почетном деле освоения. Привлекательно возможностью “развернуться”, жить в полную силу, в полный рост. Не последнее дело – романтика первопроходчества... Но манит и другое – повышенная заработная плата (целая система коэффициентов к зарплате). И удлиненные отпуска. И более ранний выход на пенсию (хотя для молодых людей это вроде бы не актуально). И бронирование жилья там, откуда человек едет на Север. И возможность вне очереди приобрести некоторые остродефицитные товары, например, автомашину. Порицать за это человека? Не думаю. Он и романтик и рационалист. И хочет, как бы это сказать, идти в ногу со временем...» (Переведенцев, Фролов, 1981).

Стась, описывая восточно-сибирские трущобы, мотивации переселенцев не касается, но, не представляя причин переезда, трудно понять, что заставляло людей жить (в десятилетие начала в стране массового жилищного строительства) в тесноте и обиде. Прочитую одно из приводимых Стасем свидетельств: «В балке не было ни окон, ни двери, зато было по колено снега. Выгребли снег, достали рамы, дверь, поставили печку-буржуйку... С вечера натопишь – жарко, а утром вода в умывальнике замерзала. Вот так жили всю зиму... приходилось каждый вечер носить то доску, то бревнышко с пилорамы...» (Стась 2017: 84). То, что неформальные поселения остаются частью пейзажа нефтяных городов, должно быть осмысленно «реляционно», т.е. с учетом социальных и экономических отношений, в которые нефтяные города и регионы включены. На их сохранение надо смотреть и в контексте роста цен на недвижимость, поддерживаемого экономическим ростом городов, и недостаточностью средств, выделяемых на разнообразные программы социального жилья. Не случайно власти разбираемых Стасем городов жалуются на то, что частные застройщики отказываются продавать городу жилье по заведомо заниженным в правительственных программах ценам: «Всего по крупнейшему муниципальному образованию региона порядка 800 домов сейчас находятся на грани разрушения, но лишь 32 из них признаны аварийными и подлежащими сносу. Как и в Сургуте, власти района уверяют, что вопрос с переселением

решить крайне трудно в виду существующего тарифа на приобретение жилья под муниципальные нужды. Застройщик просто отказывается реализовывать свои квартиры за 46 000 рублей за квадратный метр» (Нуриев 2015). Та причина, что вагончики до сих пор в нефтяных городах бойко продаются, пряма связана с другим фактом: на доходы, извлеченные от продажи нефти, управленцы и чиновники учат детей в Лондоне и строят трехэтажные виллы на французской Ривьере.

Социалистические города в постсоциалистическое время

Михаил Ильченко подробно воспроизводит историю планирования и строительства соцгорода Уралмашзавода, демонстрируя, как осуществлялся еще один вариант «беспланового» строительства. Активисты в городах с короткой историей, как Екатеринбург, стремятся социалистический период своей истории сделать интересным для местных жителей и туристов. Экскурсии по конструктивистским памятникам и иным местам города, организуемые в Екатеринбурге Константином Брыляковым, Дмитрием Москвиным, Игорем Янковым, Людмилой Старостовой и другими, собирают сотни участников. Уральская индустриальная биеннале (которая пройдет осенью 2017 г. в четвертый раз), деятельность Уральского филиала Государственного центра современного искусства и иных культурных институций вносят вклад в то, что горожане и приезжие теперь с *большим* интересом смотрят на город. Последняя часть статьи Ильченко, названная «Незавершенность в логике “утопического” прочтения истории советского градостроительства», показывает, как Соцгород Уралмаша, иные районы комплексной застройки 1920–1930-х гг. и конструктивистские памятники включаются в процесс продвижения Екатеринбурга в стране и в мире, в том числе с помощью художественных институций. Ильченко проницательно пишет о том, что эти объекты стали символом советского времени: «В полуразрушенных кварталах и скупых фасадах обветшалых зданий исследователи, художники, дизайнеры и журналисты стремились уловить очертания ушедшего времени, почувствовать его дух и атмосферу. Пространства социалистических городов превратились в своего рода способ заглянуть в прошлое и поймать ощущение эпохи строительства “нового мира”. Главной особенностью такого подхода, одновременно придававшей ему определенный символический эффект, стала попытка говорить о советском градостроительном наследии как о части огромного нереализованного проекта, т.е., говоря образно – о будущем, которое не наступило» (Ильченко 2017: 70).

Ностальгия по советскому времени активно используются (и эксплуатируется) и российской культурной индустрией и «креативщиками» в других пост-социалистических странах. У популярности этого феномена много причин. Так, за переход от «неполучившегося» социа-

лизма к трудно определяемому современному варианту политического режима и типу общества многие люди заплатили нешуточную цену. Индивидуальные попытки найти новое место в истории для себя, страны и города встречаются со сфабрикованной социалистической ностальгией, представляющей сегодня и надежный способ получить поддержку населения и источник нешуточной прибыли. Дискурсивное и визуальное оформление соцгорода Уралмаша и иных объектов как нереализованной утопии, с одной стороны, может быть понято как попытка отдать дань уважения тем советским людям, кто вопреки всему строили и работали, надеясь на лучшее, заводя друзей и растя детей. С другой стороны, учитывая, какие стороны советского прошлого активно задействованы сегодня в телевизионной пропаганде, акцент на нереализованности социалистического проекта может быть охарактеризован как попытка подняться над несовершенным настоящим, т.е. вместе допустить, что возможно общество лучшее, нежели те, что упорно получают у властей и людей. В то же время экскурсионные разговоры о нереализованной утопии соцгорода с видом на безнадежно распроданный завод Уралмаш, по-моему, несут на себе отпечаток сильной двусмысленности. З. Бауман формулирует два условия, которым должны были отвечать утопические мечты модерности: во-первых, общее чувство, что «мир – не в порядке и что о нем надо позаботиться и перенастроить» и, во-вторых, уверенность в том, что людям эта задача по плечу, что их разум в состоянии определить, что с миром не так, и решить, чем заменить отслужившие части, и что у них хватит сил воплотить свои замыслы в реальность и в итоге привести мир в форму, лучше позволяющую удовлетворять нужды людей (Jacobsen, Tester 2006: 316–317). Бауман дальше резонно говорит о том, что даже если бы мы сегодня знали, как изменить мир и серьезно задались такой задачей, «вопрос о том, у кого есть для этого достаточные ресурсы и сильная воля, был бы поистине головоломным» (317), и соглашается с последним изданием «Тезауруса» Роджета, который предлагает такие синонимы слова «утопический», как «химерический» и «нерациональный». К этим отрезвляющим размышлениям стоит прибавить еще одну мысль. «Возвращение в Европу» или «возвращение к нормальности» – лозунги, под которыми прошел восточно-европейский транзит в последние двадцать лет, также обнаружили свою утопичность. Связь между демократией, капитализмом и рынком оказалась куда сложнее, чем это казалось из-за железного занавеса.

«Продажа» соцгорода и прочего советского наследия в качестве нереализованной утопии справедливо оценивается Михаилом Ильченко в качестве сориентированной на культурный рынок мифологизации советской архитектурной истории. Он прав, завершая статью указанием на то, что в этой истории как раз многое архитекторами воплотилось и реали-

зовалось, а именно изобретательность, работа по принципу «голь на выдумки хитра», нахождение ресурсов и технологических решений там, где их не видели другие. Именно этот многообразный региональный опыт градостроительства рубежа 1920–1930-х гг. опыт должен быть описан и осмыслен, – призывает Ильченко. Я бы еще добавила, что сентиментальные образы нереализованных строительных утопий транслируются энтузиастами во времена, когда связанные с новым строительством интересы городских и региональных властей реализуются за счет агрессивного разрушения и советских и дореволюционных памятников. Возвращаясь к моменту, обозначенному в начале данных заметок, люди должны точнее понимать, что это не безжалостное время, но конкретные городские игроки вносят весомый вклад в то, что плоды хороших социалистических замыслов (те же конструктивистские здания) догнивают, тогда как для увеличения чьего-то символического капитала (и получения осязаемой прибыли) возводятся все новые уродливые здания.

Заключение

Убеждена, что нам нужно еще больше дебатов по поводу того, где, в глобальной схеме вещей и иерархии городов, можно поместить такие города, как Нижневартовск и Сургут (о них пишет Стась), Екатеринбург (Ильченко) и Новокузнецк (Духанов). Их существование и в советские, и в последующие времена что-то значило в мире, но их история осмысливается авторами блока (и другими авторами) по преимуществу «изнутри» советской истории. Но то, что это города, у которых нет выраженных границ, нет составленных из небоскребов деловых центров (несколько екатеринбургских небоскребов не в счет), в которых большинство состоит не в формальных, но в неформальных экономических и социальных отношениях, должно быть включено в описание других, «обычных», как их называет Дженни Робинсон, городов. Их жизнь тогда будет лучше понята, когда мы откажемся мыслить их с точки зрения «недоделанности» или несоответствия идеальной западной форме, когда поймем, что удерживало в них людей, нежели будем стремиться описать, в чем именно они отстают и как недотягивают до должного.

Внимание к разным вариантам «незавершенного» и тем, в частности, о которых написали свои тексты авторы данного блока, объясняется, во-первых, популярностью идеологического обрамления советской модернизации (которое базировалось именно на предписании цели социалистического строительства – строительстве коммунизма), а во-вторых, двойственностью в понимании современности, или модерности, состоявшей в том, что это понятие означало, с одной стороны, новый этап истории, а с другой – его критическую рефлексию (Habermas 1987). Целью провозглашалось строительство (или построение) коммунизма, т.е. скорее процесс,

чем очевидный результат, и планировщики, управленцы, городские власти лавировали между нормативными идеями «хорошего города» и нормативами жестких планов. Утопические идеи о хорошем ясностью никогда не отличаются, и, возможно, неудача заложена в любое планирование. Город, свободный от трущоб, маргиналов и проблем, так и останется фантомом, значимым для работы воображения, но невоплотимым.

Несовершенные российские города могут стать хорошим полем для исследования негативных последствий ускоренной индустриализации для уровня жизни людей и функционирования самой городской среды, а также для понимания пределов роста и прогресса. Они состоят, в частности, в том, что десятилетия рабского труда в лагерях и упорного труда работников, проживающих в скромном жилье, не материализовались в удобных для жизни улицах и кварталах, изобильной еде, привычном комфорте. Производительные силы и стратегическое планирование могут стать силами разрушения. Интересы выполнения плана (в СССР) и получения прибыли (в постсоветской России) делают практики управленцев и при старом и новом режиме довольно похожими: когда дело доходит до инфраструктуры – это эксплуатация того, что осталось от прошлого или предложение людям самим с этой проблемой справиться. Фальсификация отчетов, разнообразные игры с системой, производство дряни, которую, ожидается, люди все равно съедят или как-то иначе потребуют, расчет на то, что «никуда они не денутся» – этим установкам в России никак не придет конец, и авторы статей показывают, что нам нужно внимательнее исследовать то, как посреди всего этого безобразия все же пробивается творческая мысль, иногда и воплощаясь в ценном и незабываемом.

Литература

- Forum-garant.* Обсуждение темы «Фенольное жилье» на вебсайте <http://forum.garant.ru> (дата обращения: 30.03.2017).
- Nakanune.* Улицы Нижневартовска освобождают от трущоб // [Nakanune.ru](http://www.nakanune.ru/news/2005/3/16/ulicy_nizhnevartovska_osvobodzhdajut). 16 марта 2005. URL: http://www.nakanune.ru/news/2005/3/16/ulicy_nizhnevartovska_osvobodzhdajut (дата обращения: 30.03.2017).
- Духанов С.С.* Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–55.
- Ильченко М.С.* Незавершенный проект как форма существования советской архитектуры: градостроительные практики 1930–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 56–89.
- Кудрявцев А.* Ждать ремонта или переезда? В Сургутском районе решают судьбу ветхих и аварийных домов // [Sitv.ru](http://sitv.ru). 3 мая 2017. URL: <http://sitv.ru/arhiv/news/social/100225> (дата обращения: 30.03.2017).
- Нуриев Р.* Программы переселения в Сургутском районе утвердят до 1 июля. Последнее слово за жителями // [Ugra-news](http://ugra-news.ru). 13 апреля 2015. URL: <https://ugra-news.ru/article/11134> (дата обращения: 30.03.2017).
- Переведенцев В., Фролов А.* Диалог социолога и журналиста // Юность. 1981. № 6. С. 56–67. URL: <http://gorlanova.livejournal.com/571358.html> (дата обращения: 30.03.2017).
- Стась И.Н.* Урбанизация самостроя: трущобы в нефтедобывающих районах Советской Сибири (1960–1980-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 90–99.

- Трубина Е. «Чей это город?» Визуальная риторика демократии в представлениях горожан // P.S. ландшафты: оптики городских исследований / Ред. Н. Милериус, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 354–378.
- Beauregard R., Haila A. The unavoidable incompleteness of the city // *American Behavioral Scientist*. 1997. Vol. 41. P. 327–341.
- Bendix R. Tradition and Modernity Reconsidered // *Comparative Studies in Society and History*. 1967. Vol. 9, № 3. P. 292–346.
- Davis M. *Planet of Slums*. London: Verso, 2006.
- Diaz-Rioseco D. Blessing and Curse: Oil and Subnational Politics in the Argentine Provinces. *Comparative Political Studies*. 2016. Vol. 49, № 14. P. 1930–1964.
- Filtzer D. *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Gans H.J. The Human Implications of Current Redevelopment and Relocation Planning // *Journal of the American Institute of Planners*. 1959. Vol. 25, № 1. P. 15–26.
- Haberma, J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1987.
- Jacobsen M., Tester K. Sociology, Nostalgia, Utopia and Mortality: A Conversation with Zygmunt Bauman // *European Journal of Social Theory*. 2007. Vol. 10, № 2. P. 305–325.
- Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History: Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Luong J.P., Weinthal E. *Oil is not a curse: Ownership structure and institutions in Soviet successor states*. New York, NY: Cambridge, 2010.
- Moore W.E. *The Impact of Industry*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965.
- Moore W.E. *Order and Change*. New York: John Wiley and Sons, 1967.
- Moser S. New cities: Old wine in new bottles? // *Dialogues in Human Geography*. 2015. Vol. 5, № 1. P. 31–35.
- Pile S. The Strange Case of Western Cities: Occult Globalisations and the Making of Urban Modernity // *Urban Studies*. 2006. Vol. 43, № 2. P. 305–318.
- Walker R., Schafran A. The strange case of the Bay Area // *Environment and Planning A*. 2015. Vol. 47. P. 10–29.

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2017 г.

Trubina Elena G.

UNCOMPLETED CONSTRUCTION OF THE IMPERFECT

Abstract. The article discusses the three contributions comprising this issue's thematic section on 'unfinished' Soviet cities in the context of existing conceptualizations of modernity, modernization, and planning. The articles by Ilchenko, Stas, and Dukhanov are juxtaposed with the works by Mike Davis, Donald Filtzer, and Zygmunt Bauman in order to see what wide-ranging meanings the Soviet planning failures could have for the world history of modernity and modernization.

Keywords: modernization, industrialization, incompleteness, planning, Siberia, oil, Yekaterinburg

DOI: 10.17223/2312461X/16/3

References

- Forum-garant. Obsuzhdenie temy «Fenol'noe zhil'e» na vebseite [Discussion of topic 'Phenolic housing' on the Forum-garant website] Available at: <http://forum.garant.ru/?read,7,1356566> (Accessed 30 March 2017).
- Kudryavtsev A. Zhdat' remonta ili pereezda? V Surgutskom raione reshauyt syd'bu vethih I avarirnyh domov . [To wait for a repair or a moving out? In Surgut district they decide in

- the fate of the worn-out and hazardous dwellings]. *Sitv.ru*. 3 мая 2017. Available at: <http://sitv.ru/arhiv/news/social/100225/> (Accessed 30 March 2017)
- Nakanune. Ulitsy Nizhnevartovska osvobozhdaiut ot trushchob [Nakanune. Slums are being removed from the streets of Nizhnevartovsk], *Nakanune.ru*. 16 March 2005. Available at: http://www.nakanune.ru/news/2005/3/16/ulicy_nizhnevartovska_osvobozhdajut (Accessed 30 March 2017).
- Nuriev R. Programmy pereseleniia v Surgutskom raione utverdiat do 1 iulia. Poslednee slovo za zhiteliami [The resettlement programmes for the Surgut area are to be adopted by 1 July. Now the residents have the last word], *Ugra-news*. 13 April 2015. Available at: <https://ugra-news.ru/article/11134> (Accessed 30 March 2017)
- Perevedentsev V. and Frolov A. Dialog sotsiologa i zhurnalista [A dialogue between the sociologist and the journalist], *Iunos'*, 1981, no. 6, pp. 56-67. Available at: <http://gorlanova.livejournal.com/571358.html> (Accessed 30 March 2017)
- Trubina E. "Chei eto gorod?" Vizual'naia ritorika demokratii v predstavleniakh gorozhan ['Whose town is this' The visual rhetoric of democracy in the perceptions of city residents], *P.S. landshafty: optiki gorodskikh issledovani* [P.S. landscapes: urban studies perspectives]. Ed. by N. Milerius. B. Koup. Vil'nius, EGU, 2008. pp. 354-378.
- Beauregard R. and Haila A. The unavoidable incompleteness of the city, *American Behavioral Scientist*, 1997, Vol. 41, pp. 327-341.
- Bendix R. Tradition and Modernity Reconsidered, *Comparative Studies in Society and History*, 1967, Vol. 9, no. 3, pp. 292-346.
- Davis M. *Planet of Slums*. London: Verso, 2006.
- Diaz-Rioseco D. Blessing and Curse: Oil and Subnational Politics in the Argentine Provinces. *Comparative Political Studies*, 2016, Vol. 49, no. 14, pp. 1930-1964.
- Dukhanov S.S. Problems of Western Siberia's 'unfinished cities' in the 1930s, *Siberian Historical Research*, 2017, no. 2, pp. 38-55.
- Ilchenko M.S. Unfinished project as a way to conceive Soviet urban planning in the 1920s and the 1930s: the case of socialist cities, *Siberian Historical Research*, 2017, no. 2, pp. 56-79.
- Filtzer D. *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943-1953*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Gans H.J. The Human Implications of Current Redevelopment and Relocation Planning, *Journal of the American Institute of Planners*, 1959, Vol. 25, no. 1, pp. 15-26.
- Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1987.
- Jacobsen M. and Tester K. Sociology, Nostalgia, Utopia and Mortality: A Conversation with Zygmunt Bauman, *European Journal of Social Theory*, 2007, Vol. 10, no. 2, pp. 305-325.
- Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History: Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Luong J.P. and Weinthal E. *Oil is not a curse: Ownership structure and institutions in Soviet successor states*. New York, NY: Cambridge, 2010.
- Moore W.E. *The Impact of Industry*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965.
- Moore W.E. *Order and Change*. New York: John Wiley and Sons, 1967.
- Moser S. New cities: Old wine in new bottles?, *Dialogues in Human Geography*, 2015, Vol. 5, no. 1, pp. 31-35.
- Pile S. The Strange Case of Western Cities: Occult Globalisations and the Making of Urban Modernity, *Urban Studies*, 2006, Vol. 43, no. 2, pp. 305-318.
- Riosecco D. Blessing and Curse: Oil and Subnational Politics in the Argentine Provinces, *Comparative Political Studies*, 2016, Vol. 49, no. 14, pp. 1930-1964.
- Stas I.N. Urbanization through samostroy: slums in oil-producing regions of Soviet Siberia in the 1960s to the 1980s, *Siberian Historical Research*, 2017, no. 2, pp. 80-99.
- Walker R. and Schafran A. The strange case of the Bay Area, *Environment and Planning A*, 2015, Vol. 47, pp. 10-29.